

УДК 821.161.1"16":27-167.2
ББК 83.3(2=411.2)4-4

СЕВАСТЬЯНОВА С.К.

«ЯКО ЕСТЬ ПРЕКРАСНО И БЛАГОЛЕПНО ТВОРЕНИЕ АНГЕЛЬСКОЕ»: ОБРАЗЫ АНГЕЛОВ В ПЕРВОМ ПЕРЕВОДЕ СБОРНИКА «ВЕЛИКОЕ ЗЕРЦАЛО»¹

Сборник «Великое Зерцало» стал для восточнославянской литературы источником тем и сюжетов. В статье исследуется тема ангелов, раскрытие которой позволяет понять, насколько глубоко западноевропейские идеи проникли в православное сознание. Проблематика, посвященная духам, содержит важнейшие мировоззренческие аспекты, которые в XVII в. в процессе адаптации памятника к новой культурной среде и его русификации претерпели заметную эволюцию. Автор анализирует представленные в сборнике образы светлых ангелов; выявляет особенности природы и внешнего вида небожителей; сравнивает модели иерархии Небесных чинов, приведенные в сочинениях церковных писателей и представленные составителем сборника; описывает антропологические черты и «телесность» ангелов; характеризует виды их служения; находит параллели между деталями внешнего вида ангелов, выявленными в новеллах сборника, и типами иконных изображений духов, сложившихся ко второй половине XV в., когда был составлен источник сборника «Великое Зерцало».

Ключевые слова: «Великое Зерцало», ангелы, архангелы Михаил и Гавриил, Небесная иерархия, «тело» ангела, служение, иконография.

Сборник «Великое Зерцало», дважды переведенный с польского на русский язык в последней четверти XVII в., содержит религиозно-назидательные рассказы. История сборника, как известно, включает четыре этапа: «Speculum exemplorum» — «Speculum Magnum

¹ Статья написана в рамках проекта РГНФ 14-04-00085а «Подготовка издания сборника «Великое Зерцало»».

VII

ORBIS
LITTERARUM

exemplum» — «Wielkie zwierciadło przykładów» — «Великое Зерцало». Кратко напомним их содержание.

Кодекс нравоучительных легенд «Speculum exemplorum ex diversis libris in unum laboriose collectum», получивший широкое распространение в Западной Европе, был составлен около 1480 г. неизвестным католическим монахом как кодекс «примеров» (exempla) для проповедников и полемистов и содержал 1266 рассказов; впервые напечатан в Нидерландах (Девентер, 1481). «Примеры» собирались в XIII—XIV вв. многими компиляторами преимущественно из западных по происхождению сочинений: Диалогов свт. Григория I Великого, Лествицы блж. Иеронима Стридонского, Жития Франциска Ассизского, Истории Беды Достопочтенного, «Dialogus miraculorum» Цезария Гейстербахского, «Speculum Historyale» Винцентия из Бовэ, «Disciplina Clericalis» Петра Альфонса, «Gesta Romanorum», а также из Римского патерика, сборников фацеций, фавльо и т. п. «Speculum» содержит также тексты восточно-христианского происхождения — из Синайского, Скитского, Египетского патериков, отрывки из житий свт. Василия Великого, прп. Иоанна Лествичника и др. Материал был распределен по двум разделам: в одном — рассказы о праведниках, в другом — о нечестивцах.

Следующий сборник — «Speculum Magnum exemplum» составлен иезуитом Йоханнесом Майором, который на рубеже XVI—XVII вв. дополнил «Speculum exemplorum» 160 новыми рассказами и расположил материал по рубрикам догматических и религиозно-моральных понятий, составленных в алфавитном порядке. Его труд, пронизанный католическими идеями, дополнялся и перерабатывался иезуитами в духе крайнего аскетизма и наказания грешников, отколовшихся от Католической церкви.

«Speculum Magnum» был переведен на польский язык (с издания 1605 г.) и опубликован в Кракове в 1612 г. иезуитом Симоном Высоцким, который исключил часть «примеров» и ввел рассказы из польской жизни — получилось около 1360 статей. Позже он же подготовил второе издание (Краков, 1621), значительно расширив прежнее за счет новых повестей из сочинений польских и чешских авторов (Петра Скарги, Мартина Кромера, Яна Длугоша и др.), — получилось около 1950 «примеров». В 1633 г. в Кракове вышло еще одно издание сборника в переработке Я. Лесовецкого, который заменил ряд рассказов и провел стилистическую правку; в его издании около 1920 новелл (из-за ошибок в нумерации сборник оканчивается 2309-м «примером»). «Wielkie zwierciadło przykładów» издано еще раз в Калише в 1690—1691 гг. в 2 томах [21].

Первый перевод в России этого кодекса был осуществлен в 1675—1677 гг. по распоряжению царя Алексея Михайловича переводчиками Посольского приказа с краковского издания 1633 года. Второй перевод выполнен не позднее 1689 г. как дополнение к первому по одному из двух польских изданий 1621 или 1624 г. [17]. Энциклопедия средневековой культуры и богатейший источник тем и сюжетов восточнославянской литерату-

ры — сборник «Великое Зерцало» — в процессе бытования в русской читательской среде насчитывал более восьми сотен религиозно-назидательных рассказов для проповедников и полемистов. По подсчету С.И. Николаева, первый перевод сегодня представлен 14 списками, второй — 269 [18, с. 171—185]; в Российской государственной библиотеке (Москва) хранится почти половина известных списков. Однако особого внимания заслуживает рукопись Синодального собрания № 101 (Государственный исторический музей) — уникальная по своему расположению и составу, где собраны оба перевода². Этот список XVII в. не исследован до конца и не издан. Вплотную к решению этих проблем подошла Е.К. Ромодановская, однако преждевременная кончина не позволила ей выполнить начатую работу, для завершения которой Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук в настоящее время осуществляет подготовку текста сборника к изданию по указанной рукописи ГИМ, а также занимается составлением комментариев и указателей к книге.

Как свидетельствуют результаты исследований сборника [подробнее см.: 21], русский текст «Великого Зерцала», особенно близкий к польскому оригиналу по языку, структуре и тематике в первом переводе, во втором переложении заметно освободился от явлений западной культуры и католических реалий: совершенно очевидно, что в процессе адаптации памятника к новой культурной среде и его русификации столкнулись во взаимодействии идейные основания и смыслы, возникшие в разных культурных пространствах. Чтобы понять, насколько глубоко западноевропейские идеи задели православное сознание, достаточно остановиться на теме, содержащей важнейшие мировоззренческие аспекты, которые в «переходное» столетие претерпели заметную эволюцию. В сюжетно-тематическом поле сборника их немало, но особое место занимает тема, посвященная духам — светлым и темным, ангелам небесным и павшим. В русской культуре XVII в. «канонические идеи о бестелесных силах, действующих в мире людей, вступали в необычное взаимодействие со смыслами, порожденными новой культурной средой» [1, с. 137].

Темы ангелов и бесов в польском источнике русского текста «Великого Зерцала» разработаны в специальных статьях польского ученого Б. Беднарека [24; 25]. Аналогичная проблематика в русском тексте не привлекала внимание исследователей. Как известно, в Древней Руси специального учения о небесных духах не было разработано, но древнерусская культура и словесность создали множество ангельских образов. Ангелам грозным, тихим и милостивым в древнерусской письменности посвятила специальную статью польская исследовательница Э. Малек [16]. Описывая небожителей, как показывает автор,

² Цитирование текста «Великого Зерцала» осуществляется по указанной рукописи: Синодальное собр. № 101. Л. 32—475 (новеллы первого перевода). Листы приведены в статье в круглых скобках. При цитировании публикаций XIX в. воспроизведение текстов соответствует изданию.

Рис. 1.
«Небесная иерархия». Мозаичная композиция купола Баптистерия.
Фрагменты. Флоренция. XIII в. [19]

в Древней Руси опирались на книги Священного Писания, сочинения церковных писателей, составивших известные перечни ангельских чинов, и прежде всего на творения Псевдо-Дионисия Ареопагита, привлекали апокрифические источники, а для детального описания «плоти» и незримых тел ангелов ориентировались на их изображения на иконах и книжных миниатюрах. Как считает автор ряда статей об ангельских образах в древнерусской культуре Д. Антонов, сложные иерархии духов мало интересовали книжников, поскольку «летописцы и агиографы повествовали о конкретном действии Божьих посланников в современном им мире» [2], и созданные древними авторами образы небесных духов существенно отличались от тех, которые были знакомы им по переводным сочинениям и апокрифическим текстам. Интересно посмотреть, какие образы ангелов представлены в «Великом Зерцале», и какие сведения о них могли почерпнуть читатели.

Небесная иерархия. В Священном Писании мир ангелов представлен необычайно великим [20, с. 39—43]. Пророку Даниилу в видении Ветхого днями (Дан. 7:9) открылось, что тысячи тысяч служили Ему, и тьмы тем предстояли пред Ним (Дан. 7:10). Многочисленное Небесное воинство восхваляло пришествие на землю Сына Божьего (Лк. 2:13). Однако при всем многообразии ангельских ликов более девяти чинов в Библии не упоминается: это — херувимы (Быт. 3; Пс. 79, 98; Иез. 1, 10), серафимы (Ис. 6); силы (Еф. 1; Рим. 8), престолы, начала, господствия, власти (Кол. 1; Еф. 1, 3), архангелы (1Фес. 4; Иуда 9), ангелы (1Пет. 3; Рим. 8).

Модели небесной иерархии составляли многие древние церковные писатели, и эти построения не всегда были согласованы друг с другом. В «порядке духовных и премирных сил» в зависимости от божественного назначения и степени духовно-нравственного совершенства свт. Григорий Нисский выделял восемь чинов и разделял их на два класса — предстоящих и служащих [15]. Свт. Кирилл Иерусалимский в «мириадах» Небесного воинства находил девять уровней [22, с. 290—291, 373]. Об ангельских ликах упомянуто в «Постановлениях Апостольских» и в сочинениях многих церковных писателей: св. Игнатия Богоносца, свт. Григория Богослова, св. Григория Двоеслова, преп. Иоанна Дамаскина. Некоторые Отцы церкви — например, свт. Иоанн Златоуст, блж. Феодорит, св. Феофилакт — считали, что разделение ангелов не ограничивается девятью чинами, поскольку человеку в земной жизни многие другие имена и лики ангельские не открыты [20, с. 40—42].

В основу церковного учения об ангельской иерархии было положено сочинение «О Небесной иерархии», составленное в V в. неизвестным автором, именованным Псевдо-Дионисием Ареопагитом [8, с. 37—

206]. Здесь представлена четкая структура Небесной иерархии, согласно которой девять чинов разделены на три триады, символизирующие совершенный порядок и гармонию ангельского мира [10, с. 303]: серафимы, херувимы, престолы; господства, силы и власти; начала, архангелы и ангелы, причем ангелами поименованы духи, как особо приближенные к людям, так и высшие ангелы, которые не вошли в иерархию (рис. 1).

Сложные иерархические модели Небесных духов, которые представляли в своих сочинениях церковные писатели, не нашли отражение в повестях «Великого Зеркала», однако разные по природе чины Небесных сил, являвшиеся людям, в сборнике определены по-разному: это духи, воины, ангелы и архангелы, среди последних особо отмечены лишь двое — Михаил и Гавриил. Вот пример, где Небесные чины поименованы духами:

«Некая святая древняго Рима... великим // от Бога даром бысть почтена, яко с собою от числа двоих духов имеючи: единаго от архангелов, иже никогда же от нея отлучашеся, втораго же от духов, сей не тако всегда. Обаче и сей являшеся, но не вси видяху, яковым им являхуся» (л. 54 об.—55).

Смешение номинаций ангельских чинов — редкое явление в сборнике. Однако в связи с этим примером интересно проследить, как в русском переводе «Великого Зеркала» именуется светлые ангелы.

По мысли свт. Кирилла Иерусалимского, «именование сіе: духъ — само по себѣ неопредѣленно; все вообще, что не имѣеть грубаго тѣла, называется духомъ»

[22, с. 285]. Словом «дух» в сборнике названы: 1) Дух Божий, Святой Дух — 43 раза; 2) дух человеческий и душа — 20 раз; 3) бесплотные силы невидимого мира: ангелы — 2 раза (в приведенном выше примере) и добродетели — 8 раз (среди них духи смирения — 3 раза и пророчества — 2 раза), демоны и бесы — 7 раз и пороки — 34 раза (дух злой, или лукавый — 25 раз). Слова «ангел» и «ангельский» используются для обозначения посланников (вестников) Божиих, действовавших в мире людей, или духовных существ, которые служат Богу, — 141 и 25 раз соответственно. Слово «архангел» употребляется 5 раз для обозначения представителей восьмого ангельского чина из «Ареопагитик». Для ангельских чинов несколько раз вводится лексика с воинским значением: «полк» (л. 56 об.), «воин» (л. 165), «воинство» (л. 55), архангел Михаил назван «воеводой» (л. 55 об.). Есть единичные случаи, когда слово «ангел» используется в других смыслах: как синоним архангела («како бысть Благовещение от ангела» — л. 90 об.) и святости («святых ангелов вовеки наследник будещи» — л. 90 об.); поскольку в сборнике немало повестей о том, как дьявол принимает облик светлого ангела (напр., л. 80—80 об., 215 об.—217 и др.), именование «ангел» служит для обозначения вестников, а в сочетании со словом «истинный» отличает их от падших ангелов («Отнюду же яко бысть ангел истинный, иже его наказа Божиим повелением за его о//блажение» — л. 73—73 об.). Следует признать, что в целом составитель «Великого Зеркала» последователен в обозначении ближайших к людям ангельских чинов — ангелов и архангелов, а обозначение их одним словом «ангел» или «дух» соответствует церковной традиции и святоотеческим учениям о Небесной иерархии. Именование светлых ангелов «духами», как особого чина среди небожителей, в первом переводе «Великого Зеркала» допускается чрезвычайно редко и не становится правилом.

Среди церковных писателей не было единодушия и в количестве Небес, и в устройстве Царства Небесного [12, с. 56—58; 20, с. 82—83]. В новеллах сборника нет единообразия в описании Небес. В рассказе об агарянинне, принявшем христианство после видения Славы Небесной, описание Царства Небесного краткое и недетализированное:

«И узре паче солнечнаго сияния Царя, на престоле златом сидящаго, одесную же страну Царя виде Царицу, стоящую и зело пресветлым светом сияющую. Виде же старья и юныя на престоле сидящих златых, такожде и слуги стояща, их же лица быша, яко звезды» (л. 164 об.).

В повести о монахе, четырежды за ночь взятом на Небо, другая характеристика Небесного устройства:

«Четверицею восхищен бысть ко Господу Богу моему в сию ночь. Перси мои отверзени, душа моя бысть изведена, и абие познахся быти между лики ангельскими. Видех Пресвятую Богородицу со премногими полки девическими, в неизглаголаннем свете сияющую, видех и святаго Михаила архистратига, готовых в помощь мою, не бо обыкох архистратигу Михаилу честь воздавати. Внегда

видех безчисленное множество святых Божиих, их же прежде не видех» (л. 166 об.).

Встречаются в сборнике и иные «модели» Небесного дома и его обитателей. На мой взгляд, нельзя утверждать, что в «Великом Зерцале» представлены какие-то особые картины Небесного устройства. Дело в том, что средневековый компилятор показывает единый мир людей и ангелов, конкретные действия которых помогают установить в человеческом сообществе порядок, соответствующий божественной воле и высшим законам. А выполнение задачи духовного исправления людей для достижения ими Царства Небесного после смерти усвоено как раз низшим духам, особенно близким к земному миру — ангелам-вестникам, посланникам, хранителям, проводникам.

«Тело» ангела. О «телесности» ангелов среди церковных писателей не было единодушия: святоотеческая литература и литургические тексты представляли ангелов «бесплотными духами» — без костей и плоти (Лк. 24:39), принадлежащими к «невидимому» миру (Евр. 1:14; Кол. 1:16) [9; 10, с. 301]. Однако участники VII Вселенского собора признали «ангеловъ, и архангеловъ, и другихъ святыхъ силъ, высшихъ ихъ» «разумными, но не совершенно безтелѣсными и невидимыми <...> но только имѣющими тѣла тонкія, воздухообразныя и огнеобразныя», поэтому постановили изображать их на иконах в некоторых материальных образах, в том числе и в человеческом облике [7, с. 188]. Несмотря на соборное решение о наличии у ангелов некоего тела, в Западной Церкви победило учение об отсутствии у ангелов плоти [23, S. 1—11; 27, S. 11—46]. Среди церковных писателей совершенную бестелесность ангелов отстаивали, к примеру, свт. Григорий Нисский, преп. Иоанн Дамаскин. В Русской Церкви сторонником абсолютной бестелесности ангелов в XIX в. был свт. Феофан Затворник.

В описании внешнего вида ангелов в «Великом Зерцале» отражаются обе точки зрения: они либо бестелесны, когда вообще не говорится о наличии у них плоти, либо обладают каким-то телом, т. е. не совсем бесплотны. Вот примеры, где не упоминается об ангельской «плоти»: «Святый Венедикт, егда от места, нарицаемаго Субляк, прекланяшеса на гору Кассину, на вся благая наставляху два ангела, еже путь ему показоваху» (л. 56); «Посла Бог ангела своего служити старцу» (л. 58); «И абие явися ангел Господень, глаголющи» (л. 58 об.).

В других примерах, напротив, подчеркивается, что внешне ангелы похожи на людей: они как «мужи», «белы власы имущих» (л. 44 об.), как «некий» человек, которого увидел св. Антоний, «яко самого себе, сидящаго и работающаго, по сем встающаго от рукоделия на молитву» (л. 57 об.); «яко ангел во образе человеческе идяше с пустынником и придоша к стерву» (л. 70 об.); «Внезапу юноша узре пред собою зело блистающаго светом челоука, тако, яко у лица просветися» (л. 73). Антропоморфность ангелов подчеркивается тем, что они имеют части тела, подобные человеческим; чаще всего отмечается наличие у них рук, голов, лиц, волос: так, воины «узреша внезапу ангела Господня у дверей стоящаго, в руце имею-

Рис. 2.

Врата северного фасада Успенского собора Московского Кремля с изображением ангела-хранителя, записывающего входящих в храм (справа), и архангела Михаила (слева)

щого меч обнажен, и возбраняше им вшествия в церковь» (л. 56); руками ангел вскрывает утробу человека, наполненную «вреды и язвы», «очистивши же их рукою свою и паки во свое место положивши, затвори» (л. 62 об.—63); ангелы, подобно человеку, стоят — «видяше при всяком монахе стояща ангела» (л. 64 об.), ходят — «узре единого по нем последующа и стопы изчитающа» (л. 57 об.); могут летать — «виде вторый брат множество ангел, душу того брата несущих на небо» (л. 60 об.) и петь — «О колико пресладкия и благоприемныя глаголы слышах между лики ангельскими бых, никогда же тако утруждаются поюции и им же образом более хвалят» (л. 165 об.); они обладают зрением — «на небо всегда зряше» (л. 55), и эмоциями — «Тогда сташа при них святии ангели, с радостию и веселием смотряюще на них, зело бо любят глаголания Божественная. Егда что иное в беседе начаша глаголати, абие они отшедше, далечайше стоят, гневающеся на них» (л. 57), «ангел же всякого коегождо входящаго веселяшеся с ним», «ангел же с нимъ иде дивным образом, весело и радостно» (л. 59—59 об.).

Будучи неузнанными, ангелы признаются в своем происхождении — «И вопроси его, глаголющи: “Кто еси ты?”. Он же рече: “Аз есмь ангел, посланный на сие, изчитаю стопы твоего шествия и воздам ти здзу”» (л. 57 об.), называют свое имя — «Видяше сие монах, яко се бысть ангел Господень, с великим благочестием, веселием и честию рече: “О ангеле Господень, скажи ми имя твое”. Он же отвеща: “Что мя вопрошаеши о имени моем? И то есть дивно”» (л. 70 об.). Однако, как учат рассказы «Великого Зерцала», ангелы открываются лишь тем, кому позволено

выше. В одном рассказе повествуется, как нерадивый монах Массей учил неузнанного им ангела правильно звонить в колокольчик на монастырских воротах (л. 68 об.—69). Ангелы в сборнике нередко предстают в облике монахов: «Егда же устраившися, узре Христа Спасителя... По сем же показася ему некто во образе монаха, глаголющи Господеви: “Господи, что хочещи творити с сим?”» (л. 81) или воинов: «И тако абие воин, седяй на коне белом, поят его и в полки агарянския, со удивлением всем видящим, приведе и пребысть с ним три дни, и невидим бысть» (л. 165).

Таким образом, в «Великом Зерцале» ангелы — это совершеннейшие духи, бесплотные, но с антропоморфными чертами, выполняющие волю Бога быть Его вестниками, руководителями людей и служителями их спасения.

Служение. Как говорилось ранее, светлые ангелы в «Великом Зерцале» исполняют свою традиционную функцию посланников Бога, следовательно, через них реализуется высшая воля. В зависимости от рода своих занятий ангелы в сборнике четко локализованы — светлые пребывают на востоке, темные — на западе:

«Тогда на келлию оба возшедше, и рече ему [Моисею] Исидор: “Зри на запад и виждь”. Егда же воззре и виде безчисленное множество демонов, яже с велиим устремлением яко на брань готовящихся. И паки рече ему Исидор: “Воззри на восток и виждь”. Егда же воззре, и виде безчисленное множество ангелов святых преславных и пресветлых сил небесных полк. И рече ему игумен Исидор: “Се, иже на западе видел еси, сии суть, иже святых Божиих гонят и прелщают. Сии же, их же видел еси на востоце, их же Господь посылает на помощь святым своим...”» (л. 56 об.).

Выше приведены примеры служения светлых ангелов: они защищают святых, преграждая в церковь путь еретикам (л. 56); наказывают грешников разными способами в зависимости от тяжести совершенного проступка. Ангел может дать пощечину, запрещая юноше проводить время в праздности: «А еже бы не мнил привидению быти, Бог сотвори, яко чрез многи дни име лице опухло» (л. 73—73 об.). А за плотские искушения скопят, как например, монаха Еквикия: «Единыя же нощи, егда бысть при нем ангел, познася быти скопцем, еже бысть ему знаем, исцели его, яко к тому никогда же придоша помышления лукавая и плотская» (л. 139 об.). В сборнике есть и более подробное описание операции по лишению монаха Илии детородного органа:

«Тогда един ангел взят его за руце, другой же за нозе, третий истреби его и скопцем сотвори. Не яко сей самую вещь сам, но яко тако мняшеся быти. Егда же его вопрошаху: “Аще что бысть ему легчайше от помышлений?” Он же: “Яко некую тяжесть отъясте от мене. И верую, яко от всякаго помышления лукаваго, его же подъях, есмь свободен”» (л. 139—139 об.).

Ангелы могут вернуть праведника к жизни и по воле Бога забрать его душу. В одной из повестей на тему крещения рассказывается, как св. Мартин молился о скоропостижно скончавшемся епископе Иларию Пиктавийском, изгнанном со своей кафедры за обличение ариан-

ской ереси; благодаря молитвам святого епископ был избавлен от мытарств и возвращен к жизни (л. 137 об.). В другом месте повествуется о двух монахах, один из которых, умирая, был оплакан всеми его родственниками, другой — «страннопришелец», не имея близких людей, скончался в одиночестве, и его душу, утешая, ангелы подняли к небу (л. 60 об.—61). Ангелы предупреждают праведника о времени кончины: «И абие явися ему ангел Господень, глаголющи: “Не иди, приидем бо к тебе утро”» (л. 58 об.), спасают мученика от смерти: «По сем рече мучитель: “Девицу непокоривую во узилища и темницу тесную вверзите ю. По сем на выю ея навязавше камень тяжкий, вверзите ю в море”. Еже егда бысть, ангели ю изнесоша на брег, камень же, еже бысть навязан, оставиша» (л. 44).

В сборнике реализовались традиционные средневековые представления о постоянном следовании Небесных духов за человеком. Прп. Павел Препростой, обладая духовным зрением, мог видеть, почему одних монахов при входе в церковь сопровождали ангелы, а других бесы:

«Егда же вси просвещенным и лепым лицем в церковь вхождаху, ангел же всякого коегождо входящаго веселяшеса с ним. Единаго же узре черна и темнаго и по всей плоти сквернаго, его же демони со обоих стран держашу и к себе влечаху, узду на него возложиша. Ангела же его далечайша и печална узре, идуща вслед того» (л. 59—59 об.).

Ангелы, записывающие входящих в церковь, — один из вариантов их иконографии: фиксирующими имена входящих в храм они изображены, например, на южном и северном порталах Успенского собора Московского Кремля (рис. 2).

В сборнике есть немало рассказов о незримом пребывании ангелов среди монахов в церкви. Одни подпевают церковному хору (л. 65), другие наблюдают и что-то записывают:

«И отверзе Господь очеса игумену, и возревши, видяше при всяком монахе стояща ангела. И еже что от них всякий пояше, на хартиах обычаем прилежно и искусно пишуше. И никоего же слова, ниже точки, ниже ударения, аще и неопасно изрек бе, не оставляху. Писаху же различным образом, ибо нецыи от них писаху златом, друзии же серебром, нецыи чернилом, инии водою, а прочии ничто же писаху» (л. 64 об.).

Ангелы сопровождают человека от рождения до смерти, присутствуют в его жизни при различных событиях, сражаются с бесами за душу праведника (л. 136 об.—137). Ангелы радуются крещению и покаянию человека, в то время как бесы торжествуют о грехах. Поэтому завладение книгой, где записаны грехи человеческие, есть важнейшая задача как ангелов, так и бесов, ведь от того, в чьи руки эти записи попадут, зависит его дальнейшая судьба. Мученику Енесию перед смертью было видение книги его грехов (л. 135 об.). Часто ангелы помогают людям во время болезни, исцеляя своим присутствием и заботой. Некий монах выздоровел, услышав ангельское пение (л. 65 об.—66); ангелы прислуживают больным, избавляя их от страданий, душевных и физических мук (л. 58—58 об.; л. 96 об.—97 об.). Таким образом, разные виды служения ангелов, описанные в сборнике, соответствуют высшему промыслу о помощи и спасении человека.

Внешний вид. Облик ангелов в «Великом Зерцале» описывается крайне редко. Но, как правило, подчеркивается, что они «пресветлые» (л. 65) и предстают «в светлости» (л. 135 об.) и в облике «зело блистающагося светом человека, тако, яко лица

Рис. 3.

Архангел Михаил. Палатинская капелла Норманнского дворца. Палермо. Мозаика. XII в.

Рис. 4.

Архангел Гавриил. Церковь Марторана (Санта-Мария-дель-Аммиральо). Палермо. Мозаика. XII в.

Рис. 5.
Явление ангела Валааму. Роспись римских катакомб. IV в. [5]

Рис. 6.
Архангел Михаил с деяниями. Фрагмент. Архангельский собор
Московского Кремля. Конец XIV — начало XV в. [3]

просветится» (л. 73). Согласно «Ареопагитикам», «светлая... и пламенная... одежда означает... боговидность, соответствующую образу огня, и способность просвещать — благодаря небесным обитателям, где все свет, повсюду умопостигаемо сияющий, либо умственно осияваемый» [8, с. 193]. Ангелы в сборнике явлены в традиционном иконографическом образе прекрасных и светозарных антропоморфных существ в белом облачении. Вот самое подробное в «Великом Зерцале» описание того, как выглядят ангелы:

«Некая святая... ко Господу отиде... от числа двоих духов имеющи... Одевание общее имеяху паче снега белей-

ше. Един от них всегда имеяше рамена накрест и персем притисненная, второй же три вравия златыя в руце десной носяше. Аще и оба близ святых быша, первый же оный всегда по десней стране бысть и на небо всегда зряше. У обоих на главах власы долги и златыя. У обоих светлость сияния лиц их сицевая: первого светлость солнца превосходяше, втораго же, яко темный облачен, солнца мянешя быти» (л. 54 об.—55).

Судя по служению — быть со святой при ее жизни, из двух ангелов, которые, как убеждают духовные опыты, сопутствуют человеку при жизни и появляются при его кончине, первый — Ангел-хранитель, который, как свидетельствует Евангелие, постоянно созерцает Бога (Мф. 18: 10). Одежда ангела с перекрестием на груди соответствует христианской иконографии, опирающейся на символику Священного Писания (Откр. 15: 5—6) [4, л. 10, 68 об.]. В Житии св. Василия Нового в повествовании о прохождении воздушных мытарств св. Феодорой есть похожее описание сопровождавших ее ангелов: «Въ таковѣй бѣдѣ изнемогши до конца оузрѣхъ два свѣтоносна Аггла Бжїа, ко мнѣ приходяща во образѣ красныхъ юношъ, их же красоты изрещи не возможно. Лица ихъ баху пресвѣтлѣйшаа. Очи любезны взирающїи, власы главы ихъ аки снѣгъ бѣлы, златовидное показующїи блещанїе, одежды ихъ якв молнїа баху, преполасани поасы златыми по сосцамъ крестообразнмъ» [6, с. 925].

Яркие примеры иконографии ангела в перекрещенном на груди лоре (трабее) — инсигнии римских консулов в виде полосы ткани, сложно задрапированной на фигуре, распространяются с VII в.; сегодня хорошо известны мозаичные изображения ангелов в лоратных одеяниях — в киевском Софийском соборе (XI в.), в Палатинской капелле и соборе Марторана в Палермо (XII в.) (рис. 3, 4) [11].

Второй дух по наличию в руке трех вервий напоминает иконографическое изображение архангела Иегудиила, служение которого, согласно Св. Преданию, состоит в укреплении людей труждающихся ради пользы и славы Божией и в ходатайстве о воздаянии за их подвиги (Исх. 14:19—20; 23:20—24). Чаще всего Иегудиила принято изображать держащим в правой руке золотой венец, а бич с тремя черными или красными веревками с тремя концами — символ воздаяния грешникам за леность — в левой [14].

В скурых описаниях явившихся людям ангелов в новеллах «Великого Зеркала» нашли отражение практически все типы иконографии светлых духов. По упомянутым в кодексе особенностям внешнего вида, атрибутов и одеяний светлых ангелов, реконструируются важные детали их иконографии и для визуальной иллюстрации словесного портретного описания ангелов используются конкретные их иконографические изображения, содержащие упомянутые детали.

В повествовании о том, как Келесий, сын языческого правителя, принял христианство, есть описание ангелов, которое соответствует типу иконографии ангелов как крылатых мужей — одному из самых ранних, возникших в первохристианские времена:

«Вижю вещь неудо́бь видимую: оно́го христианина, его же ведут со многими в белых ризах глаголюща и венеч на главе его от бисера и злата, его же сияние всего воздуха помрачает. И других триех мужей, белы власы имущих, крилома яко орлими над ним безпрестанно стрегущими» (л. 44 об.).

Известно, что первые изображения крылатых ангелов (символ евангелиста Матфея) сохранились на мозаике конхи апсиды в базилике Санта-Пуденциана в Риме (конец IV в.). Изображения летящих ангелов с нимбами и мощными крыльями, в белых туниках, паллиумах и римских сандалиях получили распространение с V в. [26, S. 281—294, 337—352, 425—436]. Яркие примеры таких изображений ангелов, похожих, как представляется, на увиденных отроком Келесием рядом со св. Иулианом, — в базиликах Италии: Санта Мария Маджоре в Риме и Сан-Витале в Равенне.

Ангелом-воином с мечом в руке на иконах изображается, как правило, архангел Михаил. С этим особо почитаемым в Византии архангелом в «Великом Зерцале» связано несколько сюжетов. В одном из них Архистратиг предстает покровителем императорского дома (л. 55—55 об.).

В «Великом Зерцале» есть сюжеты о воинственном ангеле с обнаженным мечом, охраняющем вход в церковь, заимствованном, очевидно, из Жития Иоанна Златоуста, где подробно описан конфликт святителя с византийской царицей и преследование ею Павликия, укрывавшегося в церкви, охраняемой ангелом. Отдельными деталями описание «грозного» ангела («узреша внезапно ангела Господня у дверей стоящаго, в руце имеющаго меч обнажен, и возбраняше им вшествия в церковь... и яко противу их исторже от влагалища мечь» — л. 56) напоминает, с одной стороны, изображение «сурового» ангела, явившегося библейскому Валааму, в росписях римских катакомб (рис. 5), с другой — образ Архангела Михаила в доспехах римского полководца с обнаженным мечом в правой руке и ножнами в левой на иконе из Архангельского собора Московского Кремля, являющейся самым ранним иконным изображением деяний Архистратига (рис. 6). Есть в сборнике рассказ об исцелении монаха ангелом, который «яко мечем» рассек утробу болящего, руками очистил внутренности и возвратил их на место (л. 62 об.—63).

Известно, что в иконном изображении архангела Михаила развит мотив, когда он предстает целителем, — это чудо архангела Михаила в Хонех. Однако описанную в сборнике ситуацию логично связать с другим архангелом — Рафаилом, который почитается как целитель, и на иконах, подобно вмч. Пантелеймону, он изображается с атрибутами духовного и физического врачевания — ларцом с лекарствами; другой вариант иконографии Рафаила — с мальчиком Товией, которого во время совместных странствий архангел в образе благообразного юноши неоднократно спасал (Товит 1—14).

Архангел Михаил славится тем, что безболезненно забирает душу из тела, облегчая разлучение. Об этом в сборнике есть повествование, заимствованное, из Древнего патерика:

«Егда же прииде время, еже // отити тому странному ко Господу, увиде брат оной архангелов Михаила и Гавриила, низходящих по душу того страннаго. И седе един одесну, а другой ошуюю его, и прошаху души его, да изыде от тела, но сия не изходя, якобы не хотяше оставити тела своего. И рече Гавриил Михаилу: “Возмем сию душу и отидем”. Отвеща же Михаил: “Господи повелел еси нам, да изыдет душа без болезни тела, и того ради насильствием не можем изяти”. И возопи Михаил гласом велиим, глаголющи: “Господи, что повелиши сотвориши о сей души? Не хочет бо нас слушати, да от тела изыдет”. И прииде глас: “Посылаю Давида с гусльми и вся лики Иерусалимския, да услышавши сицевое пение, с радостию изыдет”. Егда же вси обступиша окрест оную душу, поюще догматы, тогда сия душа изшедши от тела и седе на руку архангела Михаила, и прията есть с велиим веселием и радостию» (л. 63 об.—64).

В иконографии архангела Михаила существует вариант о споре Архистратига с дьяволом за душу умершего [см.: 13], а вот иконного изображения его совместных с архангелом Гавриилом деяний при разлучении души с телом нет.

Образы светлых духов и чистых ангелов, с которыми встретились русские читатели в первом переводе «Великого Зеркала», совсем не отличались от тех, с которыми они были знакомы по патристике, патериковым повестям и агиографии, переводным сочинениям и апокрифическим текстам. Западноевропейская традиция понимания существа и служения ангельских чинов во многом дополнила конвенциональные представления об ангельской природе, которые имели православные люди «переходной» эпохи. Образы светлых ангелов из «Великого Зеркала» соответствовали традиционным образам ангелов древнерусской книжности, где в основе учения об ангельских чинах лежали канонические постулаты о чистоте и светлости, красоте и святости Небесных духов, исполняющих промысел Божий — «яко есть прекрасно и благолепно творение ангельское»³.

Список источников

1. Антонов Д. «Безобразные образы»: к эволюции древнерусских представлений об ангелах и демонах в XVII в. // Россия XXI. — 2007. — № 3. — С. 134—167.
2. Антонов Д. Незримое тело: ангелы, демоны и их «плоть» в древнерусской культуре // Культурология. Дайджест. — М.: РАН, ИНИОН. — 2013. — № 3 (66). — С. 42—44.
3. Архангел Михаил [Электронный ресурс] // Православный словарь. — URL: http://www.vidania.ru/slovar/mihail_arhangel.html (дата обращения: 12.07.2015).
4. Библия. Острог, 1581. — 628 с.
5. Валаам // Православная энциклопедия. — М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2003. — Т. 6. — С. 506—508.
6. Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе: в 2 т. — Одесса, 1911. — Ч. 2: Тексты Жития. — 1021 с.

³ «Яко есть прекрасно и благолепно творение ангельское» — название 29-й главы сборника «Великое Зерцало» в первом переводе.

7. Деяния Вселенских соборов. — Казань, 1909. — Т. 7 : Собор Никейский 2-й. Вселенский Седьмой. — 336 с.
8. *Дионисий Ареопагит*. Сочинения / [пер. с греч. и вступ. ст. Г.М. Прохорова]. — СПб. : Алетейя, 2002. — 854 с.
9. *Дорофеев Д.Ю.* Место ангелов в христианской картине мира // Книга ангелов : антология / сост., вступ. ст. и примеч. Д.Ю. Дорофеева. — СПб. : Амфора, 2001. — С. 8—25.
10. *Иванов М.С.* Ангелология. Природа ангелов // Православная энциклопедия. — М. : Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2001. — Т. 2. — С. 300—304.
11. Иконография ангельских одежд [Электронный ресурс] // Livejournal. — URL: <http://bizantinum.livejournal.com/96339.html> (дата обращения: 10.07.2015).
12. *Иоанн Дамаскин*. Точное изложение православной веры / Препод. Иоанн Дамаскин. — М. : Изд-во Срет. монастыря, 2003. — 162 с.
13. *Кондеева И.* Архангел Михаил и его цвета [Электронный ресурс] / И. Кондеева. — URL: <http://relegere.diary.ru/p188207017.htm?oam> (дата обращения: 13.07.2015).
14. *Литвинова Л.В.* Иегудиил // Православная энциклопедия. — М. : Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2009. — Т. 21. — С. 188.
15. *Лукашевич А.А.* Григорий // Православная энциклопедия. — М. : Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2006. — Т. 12. — С. 505—506.
16. *Малек Э.* Образы ангелов в древнерусской письменности (ангелы грозные, тихие и милостивые) // Труды Отдела древнерусской литературы / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом). — СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. — Т. 54. — С. 201—210.
17. *Николаев С.И.* К изучению «Великого Зеркала» // Советское славяноведение. — 1988. — № 1. — С. 74—76.
18. *Николаев С.И.* Польско-русские литературные связи XVI—XVIII вв. : библиографические материалы / С.И. Николаев. — СПб. : Нестор-История, 2008. — 248 с.
19. Поиск по базе иллюстраций Большой российской энциклопедии [Электронный ресурс]. — URL: <https://neva.ispras.ru/figmgr/list?num=10&start=2047> (дата обращения: 21.07.2015).
20. *Помазанский М.* Православное догматическое богословие / М. Помазанский. — 2-е изд. — Клин : Христианская жизнь, 2001. — 155 с.
21. *Ромодановская Е.К.* Великое Зерцало // Православная энциклопедия. — М., 2004. — Т. 7. — С. 507—510.
22. Творения иже во святых отца нашего Кирилла, архиепископа Иерусалимского / Кирилл Иерусалимский. — М., 1855. — 402 с.
23. Angels in Medieval Philosophical Inquiry: Their Function and Significance. Isabel Iribarren and Martin Lenz (eds.). — Aldershot : Ashgate, 2008. — 250 p.
24. *Bednarek B.* Aniołowie w «Wielkim zwierciadle przykładów» // Anioł w literaturze i w kulturze / pod red. J. Ługowskiej. — Wrocław, 2006. — Т. 3. — С. 78—96.
25. *Bednarek B.* Diabły w «Wielkim zwierciadle przykładów» // Quaestiones Selectae. Zeszyty Naukowe. — 2011. — № 28. — С. 36—65.
26. *Drival E. van.* L'iconographie des Anges [Электронный ресурс] // Revue de l'art chrétien. — 1866. — Т. X. URL: http://www.voieducoeur.com/anges/traite_iconographie_chretienne.html (дата обращения: 11.07.2015).
27. *Keck D.* Angels and Angelology in the Middle Ages / D. Keck. — New York and Oxford : Oxford University Press, 1998. — 271 p.

ББК 821.161.1.9.-312.6"18/19"
УДК 83.3(2-411.2)53-444.23

КУДРЯШОВА А.А.

СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЕ ДОМИНАНТЫ РУССКОЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ XIX—XX ВЕКОВ: МОТИВ БОГООБЩЕНИЯ

Статья посвящена ключевому структурно-семантическому элементу автобиографической прозы XIX—XX вв. Обращение к Богу в семейном укладе рассматривается в автобиографической прозе о детстве как исток становления стиля и духовной позиции авторов. Мотив Богообщения приобретает в сюжете не только типологическую универсальность жанровой черты, но и ярко определяет своеобразие индивидуального стиля каждого из писателей. Мотив Богообщения рассматривается через жанровое соположение документального и художественного.

Ключевые слова: автобиографическая проза, мотив, индивидуальный стиль, реалистический гротеск, сатира, сюжет, ветхозаветная и новозаветная традиции.

История становления жанра автобиографической прозы имеет древнюю традицию. Древнегреческая, римская автобиография и биография, своеобразие «рассказа о себе» в Средневековье, автобиографическое повествование в форме записок XVIII в.

и «псевдодокументальная» (Е. Гинзбург) проза второй половины XIX в., «феноменологическая проза» (Ю. Мальцев) или «роман-сознания» (Е. Созина) XX в. выявляют универсальное для жанра соположение документального и художественного. Процесс беллетризации автобиогра-